

Исламова Юлия Валерьевна

ХАНТЫЙСКИЙ СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В работе раскрывается понятие "топонимический субстрат". Описываются исторические предпосылки формирования субстратной топонимии Междуречья Оби и Иртыша, не изученной до настоящего времени. На основе названий проточных водных объектов хантыйского происхождения исследуется процесс адаптации иноязычных топонимов в русском языке на фонетическом, морфолого-словообразовательном и семантическом уровнях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-78. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8; 81-23

Филологические науки

В работе раскрывается понятие «топонимический субстрат». Описываются исторические предпосылки формирования субстратной топонимии Междуречья Оби и Иртыша, не изученной до настоящего времени. На основе названий проточных водных объектов хантыйского происхождения исследуется процесс адаптации иноязычных топонимов в русском языке на фонетическом, морфолого-словообразовательном и семантическом уровнях.

Ключевые слова и фразы: языковой субстрат; субстратный топоним; географический термин; хантыйский язык; адаптация.

Исламова Юлия Валерьевна, к. филол. н., доцент

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
islav@rambler.ru*

ХАНТЫЙСКИЙ СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ[©]

Несмотря на оживление интереса к топонимическим исследованиям, многие теоретические и практические вопросы субстратной топонимии, среди которых понятие топонимического субстрата, принципы выделения субстратных топонимов, методы изучения субстратной топонимии и др., до сих пор не разработаны в достаточной мере. Не исследована субстратная топонимия многих территорий России, в частности Междуречья Оби и Иртыша.

В отечественном языкознании одним из первых обратился к вопросам топонимического субстрата Б. А. Серебренников. В работе «О взаимодействии языков: проблемы субстрата» он дает следующее его определение: субстрат – это «язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории» [8, с. 10].

Н. В. Подольская уточняет: топонимический субстрат – это «элемент или элементы языка, исчезнувшего на данной территории в исследуемый период». Соответственно, субстратный топоним – «иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории» [7, с. 142].

Н. К. Фролов субстратом считает пласт топонимических заимствований, вошедших в русскую топонимическую систему в недалеком прошлом. Эти заимствования, как правило, раскрываются из тюркских, угорских, самодийских и других языков, контактировавших с русским языком. На фоне исконно русских субстратные топонимы частично или более полно сохранили экзогенную конструкцию, но подверглись фонетико-морфологическим трансформациям [12, с. 36].

В нашем понимании под субстратными топонимами следует подразумевать географические названия автохтонного населения, составляющие дорусский топонимический слой, испытавшие всестороннюю адаптацию в русском языке.

Помимо определения *субстратной топонимии* актуальной остается также проблема вычленения субстратных элементов в языке-победителе. Свои методики представили Б. А. Серебренников [9], А. П. Дульзон [2], Р. А. Агеева [1], Н. К. Фролов [12] и др. Так, Б. А. Серебренников считает признаком субстратного или заимствованного элемента наличие параллелей в контактирующих языках [9, с. 52].

А. П. Дульзон отмечает: если первоначальная форма иноязычного топонима может быть восстановлена теоретически или установлена путем опроса сохранившегося живого населения либо по старым записям, то эта форма субстратная. Форму, видоизмененную при ассимиляции, следует считать суперстратной. Субстрат и суперстрат понимаются Дульзоном как хронологическая последовательность наслоения внешних и внутренних особенностей слова, связанных с перемещением его из одного языка в другой в результате ассимиляции населения и смены одного языка другим [2].

Наиболее точные, на наш взгляд, критерии, согласно которым можно отнести тот или иной топоним к субстратным, разработала Р. А. Агеева. Таковыми она считает названия, обладающие «субстратными чертами» – элементами языка-победителя, не объясняемыми процессами внутреннего развития системы данного языка, но которые убедительно (исторически и лингвистически) могут быть отнесены на счет субстратного влияния [1, с. 141].

Вхождению топонимии одного языка в другой всегда предшествует интенсивное межэтническое взаимодействие. Предшественниками русских на территории Обь-Иртышского Междуречья были обские угры. Ханты и манси входят в финно-угорскую ветвь уральской языковой семьи. В настоящее время ханты проживают в Западно-Сибирской низменности, в основном, в бассейне реки Обь и ее притоков. Наличие в топонимии региона имен, не этимологизируемых из фино-угорских языков, говорит о том, что в древности здесь проживали другие народы, возможно, самодийцы. Относительно того как и когда обские угры появились в Западной Сибири в науке нет единого мнения. В настоящее время большинство ученых склоняется к мысли, что прародина

уральцев находилась в Западной Сибири на территории между зоной тундры и Саяно-Алтаем. Отсюда самодийцы пошли на Саяны и заселили их, а финно-угры продвинулись на запад и север вплоть до Скандинавии [4, с. 25].

Под давлением обрушившихся в XIII в. на Европу монголо-татарских полчищ первые угры-мигранты (ханты и манси) вынуждены были с Северного Приуралья продвинуться дальше за Урал, осваивая территорию бассейна реки Обь и вытесняя далее местное самодийское население, после чего здесь возникло Югорское (остяцкое) раннегосударственное образование (Обдорское княжество).

С середины XVII в. Обь-Иртышское Междуречье начали осваивать русские. Сначала немногочисленное славянское население было сосредоточено, в основном, в нижнем течении Иртыша. Постепенно оно увеличивалось за счет естественного прироста населения и миграции из других регионов. В Российской империи, а затем и в Советском Союзе, широко практиковалась ссылка в Западную Сибирь по политическим мотивам. Резкий скачок роста населения, связанный со стремительным развитием нефтегазодобывающей промышленности, произошел в 60-80-х гг. XX в. В этот период население Ханты-Мансийского автономного округа выросло в 9 раз [3, с. 164-208].

Обживая новые места, русскоязычные переселенцы заимствовали автохтонные географические названия и создавали свои. Современная топонимия Обь-Иртышского Междуречья в равной мере представлена собственнорусскими и аборигенными именами. Большая часть дорусских онимов с уверенностью раскрывается из хантыйского языка.

Исследование субстратной топонимии, считает А. К. Матвеев, необходимо начинать с выделения топонимов и топоформантов с последующим установлением их типов и классификации [5; 6].

Этимологический анализ топонимического материала позволил определить словообразовательные модели, восстановить первоначальные формы и значение слов. Выяснилось, что подавляющее количество географических имен – многочленные структуры. Наиболее распространенной моделью являются двух-, трехкомпонентные названия. Значительно реже фиксируются четырех- и пятикомпонентные образования. В их составе выявляются повторяющиеся конечные элементы, являющиеся географическими терминами. Известно, что в образовании хантыйских топонимов активную роль играют географические апеллятивы, которые в составе географического названия могут быть детерминативом или атрибутивом в сложном назывном слове, так и автономной лексической единицей [12, с. 334].

В исследуемой топонимии зафиксировано более 40 топонимических типов. Приведем примеры наиболее регулярных видов гидронимов.

Наиболее частыми по употребительности являются модели с терминами, обозначающими проточные водные источники (реки, протоки, ручьи): *юган, еган, ёган, ега, яга, ага, ига, ях, соим, посл*.

Приведем названия рек: *Ай-Евьюган* «Маленькая окуня река» (хант. *ай* «маленький, небольшой» [10, с. 11] + каз. *ев* «окунь» [11, с. 92] + *ёхан* «река» [10, с. 27]); *Ештурьюган* «Шила река» (хант. *ёш тур* «шило» [11, с. 86] + *ёхан* «река»); *Кутопаннэюган* «Средняя налима река» (хант. «средний» [10, с. 244] + *паннэ* «налим» [Там же, с. 67] + *ёхан* «река»); *Ненсьюган* «Парная река» (река с раздвоенным руслом) (хант. *нёмас* «двойники, парные предметы» [11, с. 197] + *ёхан* «река»); *Емъеган* «Священная река» (хант. *ем* «священный» [10, с. 25] + *ёхан* «река»); *Луега* «Глухаря речка» (хант. *лук* «глухарь» [Там же, с. 47] + *ёхан* «река»); *Ошимъега* «Медведя река» (табуированное название) (хант. *ошнэ* «шуба из овчины» [11, с. 206] + *ёхан* «река»); *Тывъега* «Истока река» (хант. *тый* «исток» [Там же, с. 276] + *ёхан* «река»); *Чипъега* «Холма река» (хант. *шип* «холм» [Там же, с. 311] + *ёхан* «река»); *Вандыях* «Таежная река» (хант. *вент* «тайга» [Там же, с. 45] + *ёхан* «река»); *Волысьях* «Река, на которой что-то было или кто-то жил» (хант. *вол* «место, где что-то было» [10, с. 19] + *ёхан* «река»); *Пырьях* «Избранная речка» (хант. *пириты* «выбирать» [11, с. 215] + *ёхан* «река»); *Савъях* «Сороки река» (хант. *савнэ* «сорока» [10, с. 76] + *ёхан* «река»).

Названия ручьев: *Ай-Митрисоим* «Маленький ручей Дмитрия» (хант. *ай* «маленький» [Там же, с. 11] + Дмитрий + *соим* «ручей» [Там же, с. 80]); *Варсоим* «Ручей с заграждением для ловли рыбы» (хант. *вар* «запор» (заграждение для ловли рыбы) [Там же, с. 11] + *соим* «ручей»); *Вон-Сорсоим* «Большой щуки ручей» (хант. *вен* «большой» [Там же, с. 17] + *сорт* «щука» [Там же, с. 79] + *соим* «ручей»); *Вьлатсоим* «Оленья ручей» (хант. *вулы* «олень» [Там же, с. 193] + *соим* «ручей»); *Евсоим* «Окуня ручей» (хант. «окунь» + *соим* «ручей»); *Карымвожсоим* «Стерляжьего городка ручей» (хант. *кары* «стерлядь» [Там же, с. 33] + *вош* «город» + *соим* «ручей»); *Мейтангсоим* «Язя ручей» (хант. *мевты* «язь» [Там же, с. 50] + *соим* «ручей»); *Хышпайсоим* «Песчаной сопки ручей» (хант. «песчаный» [11, с. 288] + *соим* «ручей»); *Чепархутымсоим* «Ручей, где ночевал чебак» (*цапар хул* «чебак» [Там же, с. 319] + *холты* «ночевать» [Там же, 118] + *соим* «ручей»).

Названия протоков: *Варампас* «С запором протока» (хант. *вар* «запор» (заграждение для ловли рыбы) [Там же, с. 11] + *посл* «протока» [10, с. 70]); *Соспас* «Горностая протока» (хант. *сос* «горностая» [Там же, с. 79] + *посл* «протока»); *Тумпос* «Острова протока» (манс. *тумп* «остров» [13, с. 60] + хант. *посл* «протока»); *Хариспосл* «Редколесья протока» (хант. *хар* «голый, лишенный растительности и строений (о местности)» [10, с. 93] + *посл* «протока»); *Чахпосл* «Гуся протока» (хант. *цахлы* «порода гуся» [11, с. 310] + *посл* «протока»).

Системы русского и хантыйского языков не совпадают, в этой связи хантыйские топонимы подвергаются фонетической, морфологической и семантической адаптации. Начальный этап вхождения хантыйской географической лексики в русский язык сопровождается фонетическим освоением. При этом хантыйские звуки заменяются русскими соответствиями: *Шциъеган* < *шанш ёхан*; *Вайпогур* < *вай пэхёр*; *Кутопаннэюган* < *кутдан ёхан*; *Вычьях* < *вась ёх*; *Ай-Нюхсатьюган* < *ай нёхас ёхан*; *Тункорьюган* < *дуйн кэрт ёхан*,

Вылахотьюган < ву́ды хот ёхан, Язурьях < ё́кар ёх, Ендырь < эмдэр, Юган < ё́хан, Ун-Южингьюган < ун унщи ёхан, Вацьемьёга < вась ем йа́хэу, Ай-Потыньёх < ай потам ёх, Кевыңсоим < кеваң сойм.

На следующем этапе географические названия хантыйского происхождения, изначально не имеющие грамматической категории рода, обретают родовую принадлежность и подвергаются словообразовательному переосмыслению. Так, к мужскому роду относятся топонимы с конечным твердым согласным типа: *Ёшпурьюган, Сосьёган, Мозымьёхлор*; часть названий с финальным мягким согласным: *Емынглемынгтыйкаль, Мозымсоимкаль, Сезыңсоимкаль, Хулюгантыйкаль*. К топонимам женского рода – слова с окончаниями *-а, -я*: *Айёга, Мытьёга, Невдарьёга, Тарыңгёга, Тыкипонымьёга*.

Русскоязычным населением хантыйские составные топонимы воспринимаются единым словом-названием. В результате опрощения наименование, ранее состоящее более чем из одной морфемы, становится в системе русской топонимии нечленимым: *Вацьемьёга < вась ем йахан, Ай-Емтор < ай ем тор, Вылахотьюган < ву́ды хот ёхан, Хышпайсоим < хиш пай сойм, Сезыңсоимкаль < сэси соим кал.*

На заключительном этапе гидронимы подвергаются семантической адаптации. Ее суть состоит в придании заимствованному топониму такой внутренней формы, которая бы исключала инородность названия в языке преемнике. Семантическим переосмыслениям подвергаются только те названия, которые либо созвучны с приемлемыми для именованья словами русского языка, либо неудобны для него в произносительном отношении. Так, на основании звуковых и смысловых ассоциаций с названием острова *Сахалин* получили актуальный мотивировочный признак «дальний, окраинный» топонимы *Сахалинская* (река), *Сахалинский* (остров), восходящие к хантыйскому названию вида утки *сахэл лаңк* «кряква». Названия *Малина, Лев* являются адаптированными лексемами хантыйского происхождения *мáлэу* «пруд, озеро», *лав* «заводь», освоенными семантически на основе звуковой схожести с соответствующими русскими словами.

Таким образом, несмотря на доминирующее положение русского языка, топонимия коренного хантыйского населения сохранила основные типы названий, но подверглась переосмыслению в языке мажоритарного этноса. Русские переселенцы приспособили автохтонные названия к законам своего языка, освоив их на всех языковых уровнях. В результате такого взаимодействия русская географическая номенклатура пополнилась разветвленной географической терминологией хантыйского происхождения, отражающей физико-географические особенности местности, а также лингвоэтническую специфику населения.

Список литературы

1. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопросы языкознания. 1964. С. 73-78.
3. Загороднюк Н. И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / под ред. А. Ю. Конева и В. Г. Усманова. Тюмень: Мандер и К, 2003. 296 с.
4. Зах В. А. К вопросу о происхождении обских угров // Обские угры: материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 1999. С. 25-28.
5. Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64-83.
6. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Часть I. 346 с.+7 карт.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 200 с.
8. Серебrenников Б. А. О взаимодействии языков: проблемы субстрата // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 7-25.
9. Серебrenников Б. А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения. Институт языкознания. М., 1956. Вып. 9. С. 33-57.
10. Скамейко Р. Р., Сязи З. И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): пособия для уч-ся нач. шк. Изд-е 2-е дораб. СПб.: Просвещение, 1992. 271 с.
11. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 336 с.
12. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию: в 2-х т. Топонимика и этнопонимика. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. Т.2. 520 с.
13. Шешкин П. Е., Шабалина И. Д. Мансийско-русский словарь. М.: ИКАР, 1998. 72 с.

THE KHANTY SUBSTRATE IN TOPONYMY OF OB-IRTYSH INTERFLUVE

Islamova Yuliya Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ob-Ugrian Institute of Applied Researches and Developments
islyv@rambler.ru

The notion “toponymic substrate” is revealed in the work. The historical background of the formation of the substrate toponymy between the rivers Ob and Irtysh, not previously studied, is described. The process of foreign language place names adaptation in the Russian phonetic, morphological word-formative and semantic levels is studied basing on the names of flowing water objects of the Khanty origin.

Key words and phrases: language substrate; substrate place name; geographical term; the Khanty language; adaptation.